

ОРБИТАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ, 1994 ГОД

С последнего собеседования Маятник Трун вынес самую странную смесь чувств: изумления, воодушевления, уважения и уверенности в том, что ему необходим отдых.

Как он и ожидал, собеседование начиналось сугубо официально. Едва адъютант доложил о его приходе, Трун браво вошел в кабинет и вытянулся в струнку перед широким столом. По ту сторону стола восседал старичок — еще подревнее, пожалуй, того анекдотичного старого пня в погонах, которого рассчитывал увидеть Трун, зато настоящая армейская косточка: поджарый, с красивым, чуть тронутым морщинами породистым лицом, безукоризненно подстриженной белоснежной шевелюрой и рядами орденских планок на левой стороне груди.

Хозяин кабинета оторвал взгляд от скорошивателя с анкетами, чтобы хорошенько рассмотреть посетителя. Вот тут-то и затлело у Маятника подозрение, что это собеседование будет не совсем обычным, ведь старикашка — или, если представ-

лять его по всей форме, маршал ВВС сэр Годфри Уайльд — не походил на пучеглазых военных чинов, досужих мастеров судить о человеке по одежке и отыскивать изъяны. Маятнику они успели осточертеть, пока он добирался через все инстанции до этого кабинета. Нет, маршал смотрел на него как на личность, и было в его взоре нечто странное. Не отводя глаз, он два-три раза кивнул своим мыслям.

— Трун, — изрек он задумчиво. — Капитан авиации Джордж Монтгомери Трун. Кажется, в некоторых кругах вы известны как Маятник Трун?

Маятник опешил.

— Э-э... так точно, сэр.

Старичок улыбнулся краями рта:

— Молодежь не бывает чересчур оригинальна. Джи Эм Трун — Джи-Эм-Тэ, а дальше само собой получается: Маятник*.

Он упорно не сводил с Труна изучающих глаз, и это выходило за грань привычного и удобного. Маятника разбирало смущение, он с трудом одолел соблазн поежиться.

От старика это не укрылось. Мышцы его лица расслабились, губы растянулись в дружелюбную, ободряющую улыбку.

— Простите, мой мальчик. Меня унесло на пятьдесят лет назад.

Он посмотрел вниз, на папку. Некоторые анкеты Маятник узнал: они заключали в себе пол-

---

* G.M.T. — Greenwich mean time — среднее время по Гринвичу.

ную историю его жизни. Дж. М. Трун, двадцать четыре года, родственников не имеет, англиканское вероисповедание. Происхождение... образование... послужной список... медицинская карта... характеристика от командира... характеристика от контрразведки, как же без нее... вероятно, сведения о личной жизни... о друзьях, и так далее и тому подобное... В общем, куча всякой ерунды.

Очевидно, старикан был того же мнения, ибо он с некоторой брезгливостью отпихнул папку, взмахом руки указал на свободный стул и придвинул к Маятнику серебряный портсигар.

— Присаживайтесь, мой мальчик.

— Благодарю вас, сэра. — Маятник взял сигарету.

Он, как мог, старался не выглядеть скованным.

— Скажите-ка, — благодушно попросил старик, — что вас заставило подать рапорт о переводе из авиации в космонавтику?

Молодой офицер был готов к этому стандартному вопросу, но в тоне маршала не было ничего стандартного, и под его задумчивым взглядом Маятник не решился ответить сухой казенной фразой. Он слегка наморщил лоб и произнес не совсем твердо:

— Сэр, это не очень легко объяснить. Честно говоря, я и сам не уверен, что понимаю. Видите ли... сказать «что-то заставило» будет не вполне правильно. Но мной все время владело такое чувство, что рано или поздно обязательно придется это сделать. Разумеется, следующим моим шагом...

— Следующим шагом?! — перебил маршал ВВС. — Значит, это еще не предел мечтаний? Следующий шаг — куда?

— Я и сам еще не разобрался, сэр. В открытый космос, наверное. Не могу объяснить это ощущение... Какая-то тяга туда, наверх, за пределы. И ведь не с бухты-барухты, сэр. Похоже, она всегда во мне жила, эта тяга, где-то на задворках ума. Боюсь, это немного сумбурно... — Маятник умолк, сообразив, что его признание весьма напоминает бред.

Но старикан не нашел в его словах ничего бредового. Еще разок-другой неторопливо кивнув, он откинулся на спинку кресла и несколько секунд созерцал потолок — должно быть, рылся в памяти. И вдруг продекламировал:

...Я слышал, как звезду звала
Ее далекая сестра
Полночным писком комара.

Его взгляд опустился на удивленное лицо Маятника.

— Знакомое чувство?

Маятник ответил не сразу:

— Думаю, да, сэр. Это откуда?

— Говорят, из Руперта Брука, хотя мне так и не довелось узнать контекст. Однако впервые я это услышал от вашего деда.

— От... моего деда? — у Маятника брови полезли на лоб.

— Да. От другого Джорджа Монтгомери Труна. Возможно, вы удивитесь — его тоже звали Маят-

ник Трун. Дед!.. — Маршал грустно покачал головой. — Для старых пней вроде меня это, должно быть, самое подходящее слово. А вот Маятник... да-а, не сподобился. Погиб, не дожив до ваших лет... Впрочем, вы сами знаете.

— Да, сэр. А вы с ним были хорошо знакомы?

— Еще бы. В одной эскадрилье служили... Тогда это и случилось. Надо же, как вы на него похожи! Я, конечно, ожидал чего-то подобного и все-таки глазам своим не поверил, когда вы вошли. — Маршал авиации дал паузе затянуться, а затем произнес: — И у него была эта «тяга за пределы». Он пошел в летчики, потому что в ту пору выше атмосферы мы подняться не могли, многие даже и не мечтали... Но Маятник был из немногих. Я по сей день помню его привычку глядеть в ночное небо, на луну и звезды, и рассуждать с таким видом, словно он знает наверняка: когда-нибудь мы к ним наведаемся. Правда, была в его словах и печаль — ведь он понимал, что сам туда отправиться не сможет. Мы-то над ним посмеивались, считали: чепуха, это все для комиксов, а он только улыбался и в споры не ввязывался, как будто и в самом деле знал. — Маршал снова надолго умолк и наконец добавил: — Его бы порадовало известие, что внуку тоже хочется «за пределы».

— Спасибо, сэр. Приятно это слышать. — Собразив, что мяч отпасован ему, Маятник спросил: — Он ведь погиб над Германией, верно, сэр?

— Берлин, август сорок четвертого, — ответил маршал ВВС. — Крупная операция. Взорвался

самолет. — Он вздохнул, опять уйдя в воспоминания: — Когда мы вернулись, я решил проведать вдову, вашу бабушку. Красивая была девчушка, просто прелесть. Очень переживала. Потом куда-то уехала, и я ее потерял из виду. Она еще жива?

— Жива и здорова, сэр. Она снова вышла замуж... кажется, в сорок девятом.

— Что ж, отрадно. Бедная девочка! Ведь они обвенчались всего за неделю до его смерти.

— Всего за неделю, сэр? Я даже не знал...

— Вот так-то. Получается, что ваш отец, а следовательно, и вы едва-едва успели появиться на свет. Свадьбу сыграли чуть раньше, чем хотели поначалу. Может, у Маятника было предчувствие... Оно у многих из нас бывало, но чаще всего — ложное...

Трун не осмеливался нарушить очередную паузу, пока сам маршал не произнес, отогнав воспоминания:

— Вы тут указали, что одиноки.

— Так точно, сэр. — Маятник тотчас вспомнил о листе бумаги со специальным разрешением и чуть было не опустил голову — взглянуть, не торчит ли он из кармана.

— Разумеется, в анкете был такой вопрос, — сказал старик. — Значит, вы не женаты?

— Так точно, сэр, — повторил Маятник, и у него возникло неприятное ощущение, что карман стал прозрачным.

— И братьев нет?

— Нет, сэр.

Маршал ВВС рассудительно произнес:

— Официальная цель этого условия противоречит моему опыту. На войне я не замечал, чтобы женатые офицеры уступали в отваге холостым. Скорее наоборот. Следовательно, мы вынуждаем людей подозревать, что наше ведомство придает неоправданно большое значение проблеме пенсий и компенсаций. Вам по душе, когда талантливых офицеров чуть ли не на каждом шагу отговаривают от продолжения рода, а заурядным дают плодиться как кроликам?

— Э-э... нет, сэр, — озадаченно произнес Маятник.

— Отлично, — сказал маршал ВВС. — Рад это слышать.

Под его пристальным взглядом Маятнику захотелось выложить разрешение на стол, и он едва удержался — все-таки благоразумие еще не окончательно его покинуло.

Старик решил перевести беседу в более официальное русло.

— Вы отдаете себе отчет, что эта служба требует исключительной секретности?

У Маятника отлегло от сердца.

— Сэр, все, с кем я тут разговаривал, очень на это упирали.

— А почему, вы знаете?

— В подробности меня не посвящали, сэр.

— Однако вы проницательный молодой человек, и у вас наверняка возникли кое-какие соображения.

— Ну что ж, сэр, насколько я могу судить по тому, что услышал и прочел об экспериментальных космических снарядах, недалек тот день, когда мы начнем строить нечто наподобие космической станции — вероятно, обитаемый спутник. Можно ожидать чего-нибудь в этом роде?

— Вполне, мой мальчик, и я рад заметить, что ваша дедукция немножко отстала от жизни. Космическая станция уже существует, точнее, все ее части. И некоторые из частей уже там. Ваша задача — помочь с монтажом.

Глаза Маятника распахнулись и зажглись восторгом.

— Сэр, это же здорово! Я даже не предполагал... Думал, до такого нам еще как до... Надо же! Монтировать первую космическую станцию... — Он скомкал фразу и умолк.

— А я не говорил, что она первая, — заметил старик. — Вообще-то, есть и другие. — Увидев изумление на лице капитана, маршал сжалился и объяснил: — Не всегда следует принимать на веру то, что видят глаза. В конце концов, мы же с вами знаем: американцы, да и те, не наши ребята потрудились на славу — хотя нам ли тягаться с ними по части ресурсов?

Маятник был окончательно сбит с толку.

— Но я считал, сэр, что мы заодно с американцами!

— Конечно, против них мы не работаем, но так уж сложились обстоятельства, что наш народ запомнил их страсть к публичным выступлениям

в политически выгодные моменты, а они не забывают кое-каких утечек информации по вине нашей контрразведки. И вот результат: мы идем разными путями и дублируем друг друга, мирясь с чудовищной потерей времени и сил. С другой стороны, у нас появился шанс встать в космосе на собственные ноги, если можно так выразиться, вместо того чтобы изредка бывать там на правах бедных родственников. Возможно, это когда-нибудь принесет плоды.

— Думаю, принесет, сэр. А не наши ребята?..

— О, эти тоже не сидят сложа руки. Известно, что еще сорок лет назад они трудились над автоматической станцией, но тогда американцы похитили у них славу, раструбив на весь мир о своих успехах на этом поприще. Потом не наши ребята отыгрались, выведя на орбиту первый спутник. Дорого бы дало наше ведомство за любые новости о том, как далеко они с тех пор продвинулись.

Теперь что касается вас. Прежде всего — физическая и специальная подготовка...

Маршал пустился в подробности, но у Маятника в голове царил сумбур. Он глядел сквозь стены залитого солнцем кабинета и видел черное пространство в оспинах огня. Фантазируя, он ощущал, как плывет сквозь вакуум. Фантазируя, он...

Он спохватился: маршал ВВС уже молчал и глядел на него так, будто ждал ответа. Маятник попробовал собраться с мыслями.

— Сэр, искренне прошу прощения. Я не совсем уловил...

— Да, я уже понял, что теряю время, — беззлобно сказал старик. Он даже улыбнулся. — Мне не впервой видеть такие глаза. Быть может, когда-нибудь мне повезет, и вы, будучи в здравом уме и твердой памяти, соблаговолите объяснить, откуда у Трунов эта привычка впадать в гипнотический транс при одном упоминании о космосе. — Маршал встал, и Маятник мигом оказался на ногах. — Не забывайте насчет требований безопасности — это все совершенно секретно. О служебных делах даже супруга не должна догадываться... если, конечно, вам посчастливится ею обзавестись. Это понятно?

— Так точно, сэр.

— Ну что ж, до свиданья... э-э... Маятник. И — счастливого пути.

Чуть позже, сидя за стаканом виски в первом приглянувшемся баре, Маятник достал из кармана специальное разрешение на женитьбу и призадумался. Настало время попенять себе: внимательнее надо было слушать старичка, внимательнее, а не витать в заоблачных высях. Что он там говорил насчет спецкурса? Двенадцать недель на тренировки, на изучение станции — и по чертежам, и на макете. А после, кажется, в отпуск. Ой, а это хорошо ли? Если станция частично уже «там», не получится ли, что монтаж закончат раньше, чем Трун пройдет обучение?

Маятник не на шутку встревожился, но здравый смысл тотчас его успокоил: мыслимое ли дело —

закинуть детали всем скопом в небо, а после уповать, что они там сами как-нибудь состыкуются? Э, нет, их необходимо возить мелкими партиями, а это и долго, и трудно, и совсем не дешево. Да, по части издержек станция легко заткнет за пояс самые грандиозные памятники истории. Одному богу ведомо, сколько потребуется ракетных рейсов на орбиту, прежде чем наступит черед сборки.

Взгляд на проблему под таким углом качнул Маятника в другую крайность. Что, если сборка растянется на многие годы?.. Старик вроде упоминал о режиме работы... Маятник порылся в памяти. Четыре недели — в космосе, четыре — на Земле, хотя это — ориентировочно, обстановка может потребовать коррективов.

Что ж, похоже, все складывается не так плохо...

Взгляд опустил на листок, который Маятник держал в руке. Безусловно, с точки зрения военных чинуш, подобная бумаженция не имеет права на существование. С другой стороны, если маршал авиации не счел нужным скрывать свое мнение о запрете... Когда тебе покровительствует, пускай негласно, такая шишка... Спрашивается, чего еще ждать? Действовать надо, действовать!

Он аккуратно сложил листок, опустил в карман и твердым шагом двинулся к телефонной кабине.

Маятник стоял в кают-компании, глядел в иллюминатор и угрюмо поглощал завтрак.

Кают-компания располагалась в Корпусе — а он, судя по всему (и в том числе по официальным

памяткам), был единственным обитаемым местечком на тысячи миль окрест, служа конторой вкуче с общежитием для вахтовиков. Почти по всей длине его затененной стороны тянулся ряд иллюминаторов, открывая вид на Сборочную. Солнечная сторона тоже имела несколько иллюминаторов, но все они были закрыты светонепроницаемыми пластинами. На этой — фасадной — стороне Корпуса стояли по кругу параболические зеркала диаметром не более фута; у каждого оптическая ось проходила под точно рассчитанным углом. Когда солнце глядело прямо в центр круга, они пребывали в бездействии, но это всегда длилось недолго. Едва луч смещался на градус-другой, как под ним оказывалось то или иное зеркало, и в фокусе рождалось пекло. Вскоре слабый, невидимый выстрел пара исправлял своей отдачей положение Корпуса, и тот опять едва заметно качался в пустоте, пока не наступала очередь другого корректировочного рефлектора. И так — все время, кроме недолгих «ночей» в тени Земли. Поэтому вид из «подветренных» иллюминаторов никогда не менялся, они постоянно показывали орбитальную станцию в процессе сборки.

Маятник разломил булочку, еще хранившую жар печи, которую снабжало энергией самое крупное зеркало солнечной стороны. Большой кусок он оставил висеть в воздухе, а меньший намазал маслом. Положил в рот, рассеянно сжевал и взял кофейник — пластмассовую бутылку с горячим кофе. Позволил ей свободно витать перед собой и потянулся за недоеденной булочкой, не дав ей

уплыть за пределы досягаемости. Все это делалось машинально, новизна таких штучек быстро выцветала на фоне орбитального быта и работы. Удобно, что ни говори, располагать вещи прямо в воздухе; это легко входит в привычку, и в отпуске, дома, избавиться от нее удастся не сразу.

Перемалывая зубами сдобу, Маятник смотрел в иллюминатор и хмурился. Как бы ты ни восхищался проектом в целом, в последние дни смены тебя неизбежно одолевают тоска по дому и ощущение, будто ты не у дел. С Маятником так всегда бывало в конце вахты, а теперь — по особым причинам — нетерпение разгулялось вовсю.

Снаружи выпуклым занавесом на пол-окна висела Земля, но нельзя было разобрать, который из континентов обращен к Корпусу в эту минуту. Облака застили поверхность шара и рассеивали солнечные лучи, и так было почти всегда. Маятнику казалось, будто перед ним не планета, а сегмент жемчужины-великанши, что покоится на чернейшем бархате. Что же касается переднего плана сцены, то оным служило привычное глазу столпотворение.

Работа шла полным ходом. Был уже сварен каркас станции — колосовидная клетка из решетчатых ферм, сто сорок футов в диаметре, двадцать четыре фута высотой. Под беспрепятственно падающими лучами солнца каркас играл ослепительными серебряными бликами. На него поставили несколько плит обшивки, и теперь крошечные человечки в округлых, как луковки, скафандрах протаски-